

Научная статья

УДК 811.512.13

DOI 10.17223/18137083/86/14

Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности

Ирина Витальевна Шенцова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ivshen@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3064-7791>

Аннотация

Комплексный анализ элементов шорского языка, образующих конструкции подобия, формирует представление о неградуированных конструкциях в системе компаративных отношений данного языка, рассматриваемых как конструкции равенства. В шорском языке строительным материалом конструкции являются (1) единица – объект характеристики, (2) единица, служащая эталоном уподобления, (3) служебная единица, используемая в качестве маркера компаративных отношений, называемая компаративным оператором. В исследовании определяются условия использования операторов конструкций, детализируются их семантика, этимология, приводятся данные о их происхождении.

Ключевые слова

шорский язык, конструкции равенства, маркеры подобия, компаративный оператор

Для цитирования

Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–206. DOI 10.17223/18137083/86/14

Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity

Irina V. Shentsova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ivshen@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3064-7791>

Abstract

This paper describes the semantics and etymology of comparative operators in the Shor language compared to other Turkic languages. Shor similarity constructions as structures of equality are referred to as “ungraded constructions,” with two components of such a construc-

© Шенцова И. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–206

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 192–206

tion being equal or similar. The characterizing component expressed by a noun and marked by a postpositional unit called “an operator” forms a comparative combination. Shor comparative operators exhibit unique features as markers of similarity.

Comparative combinations characterizing nouns use the syntactic words *tööy*, *chüünüy*, *oshqash*, *sheni*, *che*, an adjective *teŋ*, and affixes *=tiy*, *=tiyi* as operators. These combinations can be attributes or predicates in a sentence. The semantic function of these operators is mainly “equative,” covering qualitative and quantitative characteristics. The operators *tööy*, *chüünüy*, *teŋ* denote a high degree of similarity between objects. The operator *oshqash* denotes the similarity in the appearance and character of objects. The operators *sheni* and *che* designate the equal size of objects. These operators, excluding *sheni* and *che*, take predicative affixes in the present indicative tense in the predicate position; otherwise, they are used with an auxiliary verb. The affix *=tiy* expresses a comparative meaning in metaphors; otherwise, it denotes the possession of some feature. The affix *=tiyi* is used in the position of a predicate.

Comparative combinations characterizing verbs use the syntactic words *chilep* (*chylap*), *sheni* (*shenep*, *sheninche*), and *che* as operators. These combinations can serve as adverbial modifiers of manner, with their semantic function emphasizing the “similative” identity of the manner of action.

Keywords

Shor language, equality constructions, similarity markers, comparative operator

For citation

Shentsova I. V. Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 192–206. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/14

В данной работе исследуется функционирование единиц шорского языка, служащих маркерами подобия объектов сопоставления (предметов и процессов). Такие единицы (морфемы, лексемы и послелогии), относящиеся к разным языковым уровням, рассматриваются как семантическая группировка в сфере компаративности [Бондарко, 2002, с. 107, 314]. Сопоставление контекстов, содержащих эти единицы, позволяет диверсифицировать их функциональные ниши.

Интегрирующая семантика рассматриваемых языковых единиц – это «подобие», которое реализуется в статическом и динамическом аспектах («подобие» – «уподобление»). Степень подобия (подобие полное и приблизительное) не выходит за границы неградуированного сравнения. Конструкции с маркерами подобия рассматриваются как конструкции равенства.

Структура конструкции равенства представляет собой соположение компонентов: {компарат₁} + {компарат₂ + оператор сравнения}. Термины компарат₁ (характеризуемый компонент конструкции) и компарат₂ (характеризующий компонент, или стандарт, эталон) введены в работе [Кошкарёва, Плотников, 2023].

В шорском языке референтом компарата₁ являются предметные и процессные реалии, соответственно, предметные компараты вербализуются именами, процессные компараты – глаголами. Так, в предметной конструкции *атишак чүүнүг кижжи* ‘на медведя похожий человек’ характеризуемый компарат – *кижжи* ‘человек’. В процессной конструкции *оолак кийик чилеп чүгүрча* букв. ‘юноша, как косуля, бегаёт’ характеризуемый компарат – *чүгүрча* ‘бегаёт’.

В шорских конструкциях равенства компараты₂ (эталон) вербализуются именами существительными и местоимениями: *тайым чаи кижжи ошқаш көрүнди* ‘мой дядя (по матери) молодому человеку подобно выглядел’ (компарат₁ *тайым* приравнен к эталону *чаи кижжи*), *пис ылар-оқ ошқаш кижжи=бис* ‘мы им же подобные люди’ (оба компарата – личные местоимения).

В *процессных* конструкциях равенства эталон сравнения называет субъекта действия / состояния, но не само действие / состояние (собственно, то, что служит эталоном сравнения).

Таким образом, сопоставляемый признак эталона в шорских конструкциях равенства не вербализован, он восстанавливается исходя из общих знаний данного языкового коллектива.

Термины *оператор*, *маркер* и *показатель* обозначают служебный компонент конструкции, в данной работе они используются как синонимы и относятся к одному и тому же компоненту. Каждый из терминов сигнализирует о семантической или системной функции единицы. Так, *оператор сравнения* подразумевает конструктивные функции компонента, *маркер* – семантическую функцию, *показатель* связан с его грамматической характеристикой (аффикс, послелог, лексема).

1. Маркеры характеристики предметного компарата

К маркерам такой семантики в шорском языке относятся лексема *тең* ‘равный’, послелоги *төй*, *чүүнүг*, *ошқаш*, *шени*, *че*, аффиксы =*тыг*, =*тыйы*. Эти маркеры выражают разный уровень сходства компарата₁ и компарата₂ («идентичный – похожий»), кроме того, они обладают функциональными и семантическими особенностями.

Компарат₂ (эталон) с показателем подобия выполняет функции 1) определения, располагаясь в препозиции к компарату₁, 2) именного сказуемого или части именного сказуемого. Смысловое различие употребления эталона сравнения в качестве атрибута и предикатива¹ заключается в том, что эталон-атрибут вместе с компаратом₁ входит в тему высказывания (свойство характеризуемого объекта считается известным), а эталон-предикатив является ремой высказывания (тем новым, на что обращается внимание).

ТЕҢ. Шорская лексема *тең* входит в общий тюрко-монгольский фонд: др.-т. *теу* ‘равный’, ‘одинаковый’ (ДТС, с. 551). В шорском языке лексема *тең* имплицитно выражает тождественность признака, который может быть измерен: шор. *Паслейбе Петкениң өскен сыннары тең одинаковый*; *Төрт тең қат алзақ* букв. ‘Четыре равных (листа) бумаги возьми’. Отсутствие тождественности обозначается при помощи частицы именного отрицания *эбес*: *Паслейбе Петкениң өскен сыннары тең эбес* ‘Васи и Пети рост неодинаковый’; *По қаттар тең эбес=тер* ‘Эти (листы) бумаги неодинаковые’.

ТӨЙ. Маркер подобия – показатель *төй* – обозначает высокую степень сходства по внешним признакам. Шорская форма *төй* имеет вариант *түңей* [Дыренкова, 1941, с. 67–68]. Форма *төй* – это фаза развития *түңей*, обусловленная фонетическими закономерностями, которую можно проследить по данным из других тюркских языков: *дэјин* ~ *дэней* > *тэней* > *төңей* > *түңей* [Щербак, 1987, с. 88].

В тюркских языках Саяно-Алтая используются слова – фонетические варианты: алт., тел. *түңей*, кмн., хак., шор. *төй*, тув. *дөмей* (ОРС, с. 162; ТелРС, с. 89; КмдРС, с. 86; ХакРС, с. 663; ШҚС, с. 55; ТувРС, с. 440). В монгольских языках употребляется изосемичная лексема *тэнгэй* ‘равно’, ‘одинаково’ (БМонгРС, с. 466).

¹ Термин *предикатив* в данной работе используется в значении «неглагольный предикат или именная часть сказуемого», см. (АРС, с. 479, 280).

В шорском языке слово *töđöi* в препозиции определяемого существительного используется как «счетное имя»: *nur töđöi ödük* ‘пара обуви’ (ШҚС, с. 55).

Количество шорских примеров с *töđöi* ограничивается данными из [Дыренкова, 1941, с. 69, 112]. В шорской конструкции подобия *töđöi* управляет дательным падежом имени и является именным сказуемым: *ol saga töđöi* ‘он похож на тебя’ (букв.: он тебе пара); *pörüček адай палазы=n=a töđöi* ‘Волчонок похож на щенка’.

ЧҮҮНҮГ. Шорский маркер подобия – показатель *чүүнүг* – обозначает высокую степень сходства по внешним признакам живого существа, по характеру, манерам человека. Этот показатель может также употребляться с денотатами «нелицами»: *эски сарын чүүнүг көг* ‘старой песни подобный напев’.

Этимология *чүүниг* ‘похожий’, ‘быть похожим’, очевидно, связана с лексемами шор. *чүс* ‘лицо’, *чүүн* ‘походить’ (о внешности) (ШҚС, с. 65). В качестве гипотез можно рассмотреть и другие этимологии *чүүниг*. Так, происхождение этого маркера может быть связано с освоением древнетюркского парного слова *jon-jü* ‘способ’, ‘манера поведения’ (ДТС, с. 272), которое объясняет *n* в середине этого слова. Другое толкование: структура *чүүниг* совпадает со структурой *түңей* ~ *йиңей*, в этих формах реализованы закономерные чередования, а также совпадает их семантика.

Грамматический статус *чүүнүг* определяется как «сравнительное слово-последлог» [Дыренкова, 1941, с. 68], как «последлог» [Чиспияков, 1992, с. 106–107]. По форме и функциям *чүүнүг* имеет свойства прилагательного. Это слово с аффиксом принадлежности (*чүүнүг=i*) выступает в качестве имени со значением ‘подобие, сходство’ [Шенцова, 1999, с. 58–59].

Последлог *чүүниг* управляет дательным падежом имени: *pörüček адай палазы=n=a чүүнүг* ‘волчонок похож на щенка’ [Дыренкова, 1941, с. 69], *по апиый кижжи меең абам=га чүүнүг* ‘этот старик на моего отца похож’ [Чиспияков, 1992, с. 107].

Компарат-эталон с показателем *чүүнүг* занимает позиции атрибута и предикатива:

Пулутта талай аразында қара чалынга чүңүг Буревестник қайынча (Горький, 1936, с. 15) ‘Между тучами и морем **подобный** черной молнии Буревестник реет’; *Ааң соонда Көгей Көктүң позунуң көйгөн чүңү чоқ полуп, Олең Тайчыга чүүнүг пол парган* ‘Исчезло загорелое лицо Кёгей Кёк и **подобным** лицу Олен Тайджи делалось’ (ШФ, с. 76, 77).

ОШҚАШ. Шорский маркер подобия – показатель *ошқаш* восходит к тюркской дейктической частице *ош* ~ *уш* ~ *иш* ‘вот’, ‘этот’, ‘теперь’, ‘истинно’. Эта частица используется и как слово сравнения – ‘подобно’ (ЭСТЯ, с. 492–493). В древнетюркских языках «анафорическое местоимение» *ош* ‘вот’ образует аффиксальную форму, имеющую компаративную семантику: *ош=a=iüi* ‘подобный’ (ДТС, с. 372).

Дериваты *ош* включены в список последлогов, имеющих глагольное происхождение. Эти формы управляют дательным падежом [Щербак, 1987, с. 86–87]. Производящая основа – глагол с семантикой ‘походить’, ‘быть похожим, подобным’ – используется в некоторых современных тюркских языках и диалектах [Там же, с. 86]. Аффиксальные формы *ош* представлены в большинстве тюркских ареалов. Деривация основы *ош* развивалась в направлениях, связанных с образованием адъективных, адвербиальных и предикативных форм.

Шорский показатель *ошқаш* ~ *ушқаш* как сравнительное слово-послелог, обозначающий подобие, отмечен в работах [Дыренкова, 1941, с. 68, 241–243; Чиспияков, 1992, с. 106–108]. Семантика сочетаний имен с показателем *ошқаш* позволяет отнести их к эквативным конструкциям [Невская, 2022, с. 294]. Особенности функционирования служебного слова *ошқаш* рассматриваются в [Шенцова, 1999, с. 59].

В качестве компаративного показателя в шорском языке *ошқаш* употребляется для характеристики предметного компарата. Кроме того, *ошқаш* используется в функции модального слова.

Компарат₂ + *ошқаш* в простом предложении выполняет функции атрибута и предикатива.

Компарат₂ в функции атрибута обозначает общий вид предмета, форму, цвет компарата₁, а также характеризует компарат₁ (с референцией «лицо») по поступкам, поведению, содержанию личности:

Астынчы поэзынының туруна ушқаш узун мойнын шойын, узун азақтарын кере алтан шықты [Чиспияков, 1940, с. 84] ‘Астынчи, свою подобную журавлю длинную шею вытягивая, длинными ногами широко зашагал; ...ылардың аразында тезе алтын ошқаш чылтызактар пыжышчатқаны көрүнча (Горький, 1936, с. 18) ‘...среди них [облаков] золоту подобных звезд мерцание видно’.

Показатель *ошқаш* в составе компарата₂ в позиции предиката в формах настоящего времени принимает предикативные аффиксы словоизменения, а в других формах он используется в сочетании со спрягаемым глаголом *пол*= ‘быть’:

«*Сен, оол, – тебисти Максим-тайызы, – ақтап улуг кижжи ошқаш=сың. Парчын небе пилчаң*» (Ўлгер, 1995, с. 142) ‘«Ты, парень, – сказал дядя Максим, – со всем на взрослого похож. Всё знаешь»’.

Оформляя причастные формы, выступающие в качестве финитного сказуемого, слово *ошқаш* сообщает всему высказыванию модальные и эвиденциальные значения:

«*Эр кижилер келгелек ошқаш=тар. Мине пүүн ылардың келчең күннери. Пис пурнабысқан ошқаш=пыс*» (Ўлгер, 1995, с. 140) ‘«Взрослые еще не приехали, похоже. Сегодня же день их приезда. Мы, похоже, их опередили (приехали раньше их)»’.

ШЕНИ. Шорский показатель сравнения *шени* является формой, связанной со словом *шен* ‘мера’ < др.-т. *šey* ~ *šey*, заимствованием из китайского языка: *šey* ‘шэн, мера емкости, около литра’, ‘мера веса для чая, около 1¹/₂ фунта’ (ДТС, с. 144).

В тюркских языках *чэн* ‘время’, ‘мера’, ‘предел’ лежит в основе послелогов со значениями ‘пределный’, ‘подобный (по количеству или размеру)’. Такие послелогообразованы от глагола ‘мерить, примерять, сравнивать’, который сохранился в некоторых тюркских языках [Щербак, 1987, с. 77–78, 89].

В качестве оператора сравнения послелог (< др.-т. *šey*) используется не во всех языках сибирского ареала. Кроме шорского, такой показатель есть в хакасском языке (*синиче*) (ХакРС, с. 468).

В качестве служебного слова в шорском языке употребляются формы *шени* (форма имени с посессивным аффиксом), *шенеп* (деепричастие на =n), *шенинче* (в форме выделяется общетюркская морфема -нч-чи-(н) [Там же, с. 87–88], а конечная гласная уподобилась другому показателю – *че*). Форма *шенеп* сохраняет глагольную «природу» и управляет дательным падежом: *талай=га шенеп* ‘с море (размером)’ [Дыренкова, 1941, с. 241].

Компарат₂ + *шени* в позиции атрибута характеризует компарат₁ по количественному признаку:

Қарвааш турганда Алтын Чылтыс, нек шени таи азақ пажынга урунганда, мечик шени шачрап парып одурғаны (ШГС, с. 372) ‘Во время схватки с Алтын Чылтысом, когда **камень размером с корову** под ноги им попадал, он, словно мячик, отскакивал’; *Қаан тайғааң пашқа поом черде пазоқ тайга шени алтын өрге турча* ‘На другой стороне Кан-горы стоит золотой дворец, **подобный большой горе**’ (ШГС, с. 14, 15); *Қыс палазы туганче, / Эргек шени эр тугзун* ‘Чем родиться девочке, / Пусть родится **с пальчик малец**’ (ДШ, с. 321).

Компарат₂ + *шени* в позиции предиката составляет его именную часть, а спрягаемым компонентом являются формы глагола *пол*= ‘быть’:

құн келгенде кечиги туган кеш пала шени полбаан-оқ қалдым! ‘настал день, когда **я не стал даже равным по силе вчера рожденному малому ребенку!**’ (ШФ, с. 224, 225).

ЧЕ. Шорская единица *че* как маркер подобия используется как в сфере предметной, так и в сфере процессной характеристики.

Показатель *че* (*ча*) возводится к др.-т. *цаг* ‘время, пора’, ‘мера’, ‘предел’ (во времени, в пространстве), лежит в основе послелогов [Щербак, 1987, с. 77].

В шорском языке единицы *ча* и *че* разграничены. Так, пространственное значение служебного показателя *ча* является аналогом продольного падежа: *сугча* ‘по реке’ [Дыренкова, 1941, с. 64], а форма *че* в шорском языке служит маркером уподобления. Оба шорских показателя (*ча* и *че*) не подвергаются сингармонизму – признаку, характерному для аффиксов. В разных шорских текстах оба показателя с существительными пишутся как слитно, так и раздельно.

Грамматический статус показателя *че* определяется как послелог-аффикс [Там же, с. 67], как аффикс сравнительно-ограничительного падежа [Щербак, 1977, с. 53], как «древний негармонирующий эквативный падеж на *-че*» [Невская, 2022, с. 291].

В шорском языке компарат₂ + *че* в позиции атрибута характеризует компарат₁ по разным признакам. Так, в следующих примерах показатель *че* актуализирует количественную (размер) и качественную (форма) характеристики предмета описания:

...ақ чазының түбінде чүрүгеи-че эбишек турча, чилиңеи-че түдүнек шықча (ШФ, с. 190) [Аба Кулак видит:] в глубине белой степи **величиною с сердечко домик** стоит, **похожий на мозг дымок** поднимается’ (дым по форме похож на вещество из трубчатых костей).

Представление о единстве, слиянии душ формируется на основе формы гармоничного парного объекта:

«Чақшыба келген ползаң, сыын мүўзүн=че нанчы полар эдибис» ‘«Если бы ты по-хорошему пришел, двумя друзьями, **подобными паре рогов**, мы бы стали»’ (ШФ, с. 178, 179).

Компарат₂ + *че* в позиции предиката в сочетании со спрягаемым глаголом *пол*= ‘быть’ формирует именное сказуемое:

Алтын таи ат паж=ы=н=че полгадыг ‘Золотой самородок **с голову коня** будет, пожалуй’.

С предикатами, выраженными глаголами чувственного восприятия (*көрүн*= ‘видеться’, ‘быть видимым’, *уғул*= ‘слышаться’, ‘быть услышанным’, *пилдир*= ‘проявлять себя’), компарат₂ + *че* характеризует компарат₁ как предмет, но не его действия:

Чаш алыпқа Алтын Қаанның айтқан сөзү часқы қатқа, көк қақан-че угыл қалды (Токмашов, 2009, с. 38) ‘Юному богатырю Алтын Каном сказанные слова весеннему смеху, кукушки кукованию подобными прозвучали (слова были им услышаны)’.

С глаголами состояния *чат*= ‘жить’, ‘лежать’, ‘располагаться’, *тур*= ‘стоять’, ‘жить’, ‘располагаться’ компарат₂ (эталон) входит в состав ремы высказывания и характеризует компарат₁ как предмет:

Қалық чақышы по черде чыш=че турчер (ШФ, с. 64) ‘Народ отборный (хороший) в той земле, как лес, стоит’ (предмет описания – народ – представлен глазом созерцателя как масса, как густой лес).

АФФИКС =ТЫГ. В шорском языке синтетическим маркером уподобления выступает аффикс =*тыг* [Невская, 2022, с. 291]. Его грамматический статус обозначен как аффикс-послелог [Дыренкова, 1941, с. 67]. Этот показатель реализуется в типовых фонетических вариантах.

Показатель =*тыг* в функции уподобления является архаичным, формы с таким значением этого аффикса вошли в состав эпических формул. Смысловой особенностью атрибутивных сочетаний «имя=*тыг* + имя» является то, что определение с показателем =*тыг* может характеризовать не качество определяемого имени, а его проявление в действии или его состояние.

В шорской словообразовательной системе аффикс =*тыг*, возводимый к «аффиксу сравнительного падежа» *тіз* ~ *тіј* и представленный в большинстве древних и современных тюркских языков [Щербак, 1977, с. 58], совпадает с др.-т. =*liу* с семантикой обладания: шор. *ат=тыг кижі* ‘всадник, человек на коне’, ‘человек, имеющий коня (коней)’.

В следующих примерах аффикс =*тыг* выполняет разные функции: в одной форме он является средством адъективации существительного, в другой содержит смысл «подобный, похожий»:

Алтын өргенің иштинде алтын столга толдура тайгадыг аргадыг алып төлү одурча ‘В золотом дворце, занимая весь стол золотой, потомок богатырей могучий, как тайга (‘гора, покрытая хвойным лесом’), сидит’ (ШФ, с. 72, 73).

Прямое значение аффикса =*тыг* – ‘обладание’: *арга=дыг алып* ‘богатырь со спиной, имеющий спину’ (= *тыг* служит средством адъективации существительного). Переносное значение, создающее образ: *тайга=дыг арга=* ‘спина, подобная горе’ (= *тыг* обозначает уподобление).

Для указания на отсутствие подобия используется лексическое средство – прилагательное *пашқа* ‘иной’, ‘другой’:

Мындагы черде чозагы пашқа қарбаш полча (ШФ, с. 148) ‘В здешней земле другого обычая борьба происходит (т. е. борьба с другими, не такими, как в стойбище главного персонажа, приемами)’.

Аффикс =*тыг* со значением подобия входит в структуру шорских определительных местоимений *андыг* ~ *эндиг* ~ *мындыг* ~ *мендиг* ‘такой’, ‘этакий’. Так, в следующих примерах лексические маркеры *андыг* и *мындыг* имплицитно сопоставление, проводимое с ранее виденными объектами и с имеющимся положением:

...по аңчы кижі ададаң-энедең туганнаң ала андыг погда пугаларды көрбеендир, андыг улуг мүйстерди чажына-да көрбеендир ‘Тот охотник, с тех пор как [от отца и матери] родился, таких громадных быков не видел, таких больших рогов во всю жизнь не видел’ (ШФ, с. 288; 289); *Ол қыс айттыр: «Ал, мени алзаң, мындыг қомай қонуқтау көрбессің»* (ШФ, с. 264) ‘Та девица (дух тайги) сказала:

«Возьми меня (замуж), меня возьмешь, **такой** скудной жизни (больше) не увидишь».

Аффикс =тыг является источником аффикса =тыйы (< =тыг) с формообразующим элементом *ы* и системным переходом *г > й* в интервокальной позиции. Форма на =тыйы, как и =тыг, транслирует идею подобия:

Ол қыс анаң көрүнген, абақай қыс полған <...> анаң маттап чагын кел көргени – тижжи қозаныйы – қозан ушқаш (ШФ, с. 262) ‘Та девица потом показалась, красивая девица была <...> потом, когда ближе подошел и посмотрел, – **зубы** (ее) **заячьи**, (зубам) зайца подобные’.

Как показывают примеры, в шорском языке имена с аффиксами =тыг и =тыйы могут обозначать уподобление, если в семантике сравнительной конструкции содержится метафора. Имена на =тыг выступают в функции определения и предикатива, имена на =тыйы – в функции предикатива.

Таким образом, анализ использования шорских маркеров подобия в сфере предметных компаратов₁ позволяет разделить их на две группы: 1) группу специализированных и, вследствие этого, редко употребляемых показателей: *тең* (идентичность по параметрам), *төдй* (идентичность и парность), *чүүнүг* (главным образом внешнее подобие), и 2) группу полисемантических показателей подобия: *ошқаш*, *шени*, *че*.

Полисемантические показатели вступают друг с другом в синонимичные отношения, они употребляются в похожих контекстах:

абам ошқаш Чагыс Ақ-Қанр ‘отцу моему подобный Чагыс Ак-Кан’ ~ менің абам шени Ақ-Қаным ‘моему отцу подобный Ак-Кан=мой’ (Бабушкин, 1940, с. 44, 45).

Наибольшее количество похожих контекстов с варьированием показателей (включая и архаичный аффикс =тыг) получено из эпоса, где богатырей и богатырш сравнивают с горой: *тайга=че алып ~ тайга шени қыс палазы* ‘горе подобная девица (величиной с гору)’ ~ *кезек тайга=дыг алып чақшызы* ‘лучший из богатырей, подобный горе’ (ДШ, с. 146; ШФ, с. 180; ШГС, с. 364).

2. Маркеры характеристики процессного компарата

К маркерам такой семантики в шорском языке относятся показатели *чылап ~ чилеп ~ чеп*, *шени ~ шенеп ~ шенинче*, *че*, служащие регулярными показателями подобия процесса, оформляющие компарат₂.

ЧЫЛАП. Шорский маркер подобия *чылап ~ чилеп* (*члап ~ члеп ~ чеп*, форма с частицей – *чилебоқ*) образует сочетания, примыкая к именам – компаратам₂. Сочетания с этим маркером акцентируют внимание на способе глагольного действия и реализуют значение ‘действовать так, как предмет сравнения’ [Шенцова, 1999, с. 58].

Формы, родственные по происхождению с шор. *чылап*, употребляются и в других тюркских языках. Так, А. М. Щербак приводит примеры послелогов, образованных от гипотетического глагола *чїла=* [Щербак, 1987, с. 84] в языках, которые входят в среднеазиатские ареалы и саяно-алтайские территории – ответвления Великого шелкового пути.

Этимологической базой глагола *чїла=* может служить др.-т. *čīyla-* ‘измерять длину мерой *чыг*’ < *čīγ* кит. ‘мера длины около 30 см’ (ДТС, с. 148, 147). Фонетические закономерности (выпадение *γ* в интервокальной позиции) и семантическое сближение ‘измерять’ ⇔ ‘сравнивать с эталоном’ позволяют считать этимологом

тюркского слова *чїла* = китайскую единицу. Этот этимон выглядит достаточно достоверным, поскольку китайские заимствования как результат интенсивного взаимодействия народов соседствующих территорий составляют весомую долю в древних тюркских языках [Дыбо, 2007].

Компарат₂ + *чылап* формально является обстоятельством образа действия в простом предложении. Основные значения обстоятельств: 'действовать так, как стандарт (эталон)', 'достичь состояния стандарта', 'обладать одинаковым со стандартом состоянием', 'проявлять себя одинаково со стандартом'. В простых глагольных предложениях, имеющих типовую структуру (подлежащее – обстоятельство – глагольное сказуемое), обнаруживается «свернутая пропозиция»:

«*Каттар чилеп эмге чатчаң!*» (ШФ, с. 76) '«Как бабы, дома сидишь!»' (как женщины, которые всегда дома находятся, так и богатырь из дома не выходит).

Компарат₂, характеризую компарат₁ и занимая позицию сказуемого, является ремой высказывания:

Ол оялан поэба куруу сыра чилеп куруу перген [Чиспияков, 1940, с. 81] 'Он, еще юноша, **как сухой хворост, высох**'.

В частных атрибутивных конструкциях компарат₂ (эталон) характеризует компарат₁ посредством процесса, который обозначен причастием:

Нур тезе, ай чилеп агаар парган поэу, чүзүбе черге тебе чадыт, улгабысты (Горький, 1936, с. 64) 'Нур, луне **подобный, побелевший** (поседевший), лицом в землю лег и заплакал'.

Причастные определения с показателем *чилеп* в составе сказуемого со вспомогательным глаголом *пол* = характеризуют состояние компарата₁ и получают модальный оттенок «неуверенного сравнения»:

Абам үргүнген чилеп улыбысты (Ўлгер, 1995, с. 24) 'Отец **как будто обрдованным стал**'.

ЧЕ, ШЕНИ, ШЕНЕП, ШЕНИНЧЕ. Показатели *че* и *шени* (*шенеп, шенинче*) в функции характеристики процессного компарата синонимичны. Основа сближения – общее значение «мера», «степень» в их этимонах. Компарат₂ с этими маркерами выполняет функцию обстоятельства образа действия. Значением конструкций с компаратами₁ – глаголами действия – является интенсивность, а с глаголами состояния акцентируется результат действия.

Наибольшее количество шорских конструкций с *че* и *шени* (*шенеп, шенинче*) получено из текстов эпосов. Эти конструкции характеризуют действия персонажей, а также артефакты и окружающую среду. Денотаты компаратов-эталонов представлены существительными разных лексико-семантических групп. Признаки реаллий, обозначаемые существительными и осмысленные как главные, идентифицирующие их, по сути превращаются в символы и употребляются в устойчивых сочетаниях – эпических формулах [Шенцова, 2022].

Сочетания процессного компарата₂ с оператором *шени* преобладают над сочетаниями с *че*. Тем не менее во многих эпических формулах с практически одинаковым содержанием *шени* и *че* употребляются «на равных правах»:

чаи қайыш=че чапшындылар, эс қайыш=че эштендилер (Токмашов, 2009, с. 18) букв.: 'словно новые ремни сплелись, словно старые ремни притёрлись'; *эи қайыш шени эстееш пардылар, чаи қайыш шени шойүлүш пардылар* (ШГС, с. 327) досл.: 'словно мягкие ремни сплелись, словно новые ремни тянулись'.

Показатели *че* и *шени* используются в одном контексте в параллельных конструкциях: в первой части конструкции употребляется компарат-эталон с одним

маркером, а во второй части – с другим, что позволяет избежать монотонности повествования.

Рассматривая функционирование маркеров подобия *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап*, характеризующих процессы в шорском языке, можно отметить наличие некоторых особенностей в реализации семантики этих показателей.

Так, в семантическом плане показатель *че* представляется более делексикализированным, чем *шени* (*шенинче*) и *чылап*. Например, *чылап* сохраняет сему интенциональности: *тұлғу чилеп кире пасты* ‘как лиса вошел’ (т. е. осторожно, незаметно, симулируя способ движения лисы).

В контексте с компаратом₁, референтом которого является глагол состояния, предпочтительнее показатели *шени* или *че*:

Көнү чердиң пажынга / Күмүш шени көгерча (Ўлгер, 1995, с. 118) ‘У начала плёса [берег], как серебро, синее’.

Тем не менее операторы *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап* могут быть использованы в похожих контекстах. Так, содержание эпической формулы ‘подобно горе, рассердился, подобно морю, раздулся’ реализуется при помощи варьирующихся операторов: *таг=че* ~ *таг шени* ~ *таг шенинче* ~ *таг чылап* ~ (*тарынды*), *талай=че* ~ *талай шени* ~ *талай чылап* (*шишти*). Такая «избыточность» функционально равных языковых элементов позволяет разнообразить формы выражения.

Заключение

В системе разнообразных средств выражения отношений подобия в шорском языке регулярными показателями являются послелого, которые служат операторами конструкций равенства. Каждый из них занимает собственную семантическую и функциональную нишу.

Так, в сфере предметной характеристики дифференциация операторов (маркеров) обнаруживается в семантике, а также в грамматической организации высказываний:

Пөрүчек адай палазын=га чүүнүг ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (внешне);

Пөрүчек адай палазын=га тббй ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (идентичен);

Пөрүчек=не адай палазы тең=нер (*тең* – прилагательное) ‘Волчонок и щенок равны’ (размером или силой);

Пөрүчек адай палазы шени полар ‘Волчонок размером со щенка будет’ (одинаковые по размеру);

Пөрүчек адай палазы-ла че полар ‘Волчонок размером со щенка будет’ (одинаковые по размеру);

Пөрүчек адай палазы ошқаш ‘Волчонок на щенка собаки похож’ (внешностью и повадками).

Маркеры *че*, *шени* (*шенинче*, *шенеп*), *чылап* (*чилеп*, *чеп*) вместе с именем-эталоном (с компаратом₂) при глагольном сказуемом выполняют функцию обстоятельства образа действия, при этом *че*, *шени* (*шенинче*) в большей мере указывают на интенсивность процесса, типичную для эталона, а *чылап* (*чилеп*, *чеп*) – на подражание способу действий, манеры эталона (т. е. симуляцию).

Маркеры *ошқаш* и *чылап* (*чилеп*, *чеп*) при сказуемом, выраженном формами причастия на =ган, соответствуют модальным словам для выражения подобия как «неуверенного сравнения».

В плане содержания конструкций подобия, кроме компаративного смысла, заложена идея динамического и статического воплощения сравнения. Симилятивная и эквативная семантика конструкций равенства, введенная для характеристики шорских конструкций [Невская, 2022], по нашим наблюдениям, реализуется следующим образом.

Эквативность обозначает состояние равновесия, статическое равенство. Она выражается компаратами₂ – эталонами, маркированными показателями тождественности (*тең, төбй, чўўнўг, ошқаш, шени, шенинче, че*), характеризующими предметные компараты₁.

В качестве *эквативных* могут быть интерпретированы значения компарата₂, если денотатом компарата₁ является состояние, выражаемое глаголом (*быть, жить, оставаться, виднеться, быть слышимым* и др.).

Симилятивная семантика связана с идеей подражания, с обозначением процесса достижения подобия эталону, она проявляется наиболее отчетливо, если характеризуемый процесс (компарат₁) обозначает динамический глагол.

Структурной особенностью шорских конструкций подобия является отсутствие вербализованной единицы, называющей сопоставляемый признак, т. е. признак сопоставления имплицитен. Характеризуемый член конструкции (компарат₁) может быть не назван, так как в тюркском предложении личная референция устанавливается по аффиксу предиката.

Единицы, от которых образованы шорские операторы подобия, принадлежат к общетюркскому и общему тюрко-монгольскому фонду, в котором есть древние китайские заимствования. Состав служебных показателей в тюркских языках сибирского ареала отличается от состава показателей в языках у южных и юго-западных тюрков, так как в их системах есть единицы арабского и персидского происхождения [Щербак, 1987, с. 61].

На фоне тюркских языков Саяно-Алтайского региона, в который входит шорский язык, в составе операторов подобия есть некоторые отличия. Так, в шорском языке глагол *пол* = 'быть' не сформировался в качестве оператора сравнения, как это произошло, например, в тувинском языке [Шамина, 2022]. В составе шорских маркеров подобия нет некоторых показателей, характерных для языка алтайского эпоса [Озонова, 2023]. Аналог шорского регулярного показателя *шени* (*шенеп, шенинче*) используется в хакасском языке (*сининче*), данные по алтайскому и тувинскому языкам отсутствуют. Показатель *чўўнўг* характерен, по-видимому, только для шорского языка, примеры использования этого маркера в других языках пока не получены.

В целом система конструкций с маркерами подобия в шорском языке четко структурирована и выглядит устойчивой.

Список сокращений

алт. – алтайский, др.-т. – древнетюркский, кмд. – кумандинский, тел. – телеутский, тув. – тувинский, хак. – хакасский, шор. – шорский

Список литературы

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: ЯСК, 2002. 736 с.

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 223 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 303 с.

Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023. № 3 (31). С. 42–55.

Чистяков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кн. изд-во, 1992. 318 с.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах // Вестник ТувГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2022. Вып. 2, № 1. С. 35–46.

Шенцова И. В. Шорский язык. Морфология: Учеб. пособие. Новокузнецк: НГПИ, 1999. 72 с.

Шенцова И. В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 10–23. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-158-173

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. 192 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 152 с.

Список сокращений словарей и монографий

АРС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Азбуковник, 2001. 640 с.

БМонгРС – Бурят-монгольско-русский словарь / Под ред. И. Дамдин-Сурэн, Ш. Субсан-Вандан. Улан-Батор, 1942. 434 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 715 с.

ДШ – Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. 352 с.

КмдРС – Кумандинско-русский словарь / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 151 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова; под общ. ред. Н. А. Баскакова. М.: ОГИЗ, 1947. 313 с.

ТелРС – *Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигаешева Н. А.* Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь / Науч. рук. Н. Н. Широбокова. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 120 с.

ТувРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.

ХакРС – Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ШГС – Шорские героические сказания. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

ШКС – *Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я.* Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1993. 149 с.

ШФ – Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 489 с.

ЭСТЯ – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Список источников

Бабушкин Г. Ф. Шор ныбактары. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1940. 94 с.

Горький М. Макара Чудра и другие рассказы. М.: Дет. лит., 1970. 208 с.

Токмашов Б. И. Каан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев. Новокузнецк: КГПА, 2009. 149 с.

Gorkiy M. Talap alqan proizvedenieleri [М. Горький. Избранные произведения. Перевод на шорский язык Ф. С. Чиспиякова]. Novosibirsk: Novosibirskiy knizhniy izdatelstvo, 1936. 67 p. (на шор. яз.)

Ўлгер. Қыырчаң ном. Книга для чтения на шорском языке / Сост. Г. В. Косто-чаков. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1995. 174 с.

References

Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki (na materiale russkogo yazyka)* [Theory of meaning in the system of functional grammar (on the material of the Russian language)]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, 736 p.

Chispiyakov E. F. *Uchebnik shorskogo yazyka* [Textbook of the Shor language]. Kemerovo, Kn. izd., 1992, 318 p.

Dybo A. V. *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund. Pratyurkic period]. Moscow, Vost. lit., 2007, 223 p.

Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow, Leningrad, AS SSSR, 1941, 303 p.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Meta-language for describing the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Critique and Semiotics*. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruksiy [Typological features of Shor equative and simulative constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4. pp. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa “Ochy-Bala”) [Ways of comparison expression in the Altai epic (on the material of the epic “Ochy-Bala”)]. *Epic Studies*. 2023, no. 3 (31), pp. 42–55.

Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy leksiki v tuvinskikh tekstakh [Strategy of labeling comparative lexicon in Tuvan texts]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2022, no. 1 (88), pp. 35–46.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Imya)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Name)]. Leningrad, Nauka, 1977, 182 p.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova)* [Essays on comparative morphology of Turkic languages (adverbs, auxiliary words, imitative words)]. Leningrad, Nauka, 1987, 152 p.

Shentsova I. V. Pragmatika komparativnykh konstruksiy v epicheskikh tekstakh tyurkov Sayano-Altaya [Pragmatics of comparative constructions in epic texts of Sayano-Altai Turks]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 10–23. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-158-173

Shentsova I. V. *Shorskiy yazyk. Morfologiya: Ucheb. posobie* [Shor language. Morphology: Textbook]. Novokuznetsk, NSPI, 1999, 72 p.

List of dictionaries and monographs

Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary on linguistics and semiotics]. Moscow, Azbukovnik, 2001, 640 p.

Buryat-mongol'sko-russkiy slovar' [Buryat-Mongol-Russian dictionary]. I. Damdin-Suren, Sh. Subsan-Vandan (Eds.). Ulan-Bator, 1942, 434 p.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 715 p.

Dukhovnaya Shoriya. Shorskiy fol'klor v zapisyakh i iz arkhiva professora A. I. Chudoyakova [Spiritual Shoria. Shorian folklore in records and from the archive of Prof. A. I. Chudoyakov]. Kemerovo, IPP "Kuzbass," 2008, 352 p.

Khakassko-russkiy slovar'. Khakas-orys söstik [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Kumandinsko-russkiy slovar' [Kumandin-Russian dictionary]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotel'shchik, 1995, 151 p.

Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Apon'kin F. Ya. *Shor-qazaq pazoq qazaq-shor yrgedig söstyk* [Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerov. kn. izd., 1993, 149 p.

Oyrotsko-russkiy slovar' [Oïrot-Russian dictionary]. N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova (Comps.), N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, OGIZ, 1947, 313 p.

Ryumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Teleut-orus sözlik* [Teleut-Russian dictionary]. N. N. Shirobokova (Sci. adv.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 120 p.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshche-tyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Türkic and Inter-Türkic roots beginning with vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p.

Shorskiy fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Fixation, translation, and commentaries). Moscow, Leningrad, AS USSR, 1940, 489 p.

Shorskie geroicheskie skazaniya [Shor heroic tales]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 1998, 463 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 17).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenisheva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.

List of sources

Babushkin G. F. *Shor nybaktary* [Shore tales]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1940, 94 p. (In Shor)

Gorkiy M. *Makar Chudra i drugie rasskazy* [Makar Chudra and other stories]. Moscow, Det. lit., 1970, 208 p.

Gorky M. *Talap alqan proizvedenieleri* [Selected works]. F. S. Chispiyakova (Transl. into Shor). Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1936, 67 p. (In Shor)

Tokmashov B. I. *Kaan Oolak. Bogatyrskoe skazanie kondomskikh shortsev* [Kaan Oolak. The Bogatyr tale of the Kondom Shorians]. Novokuznetsk, KSPA, 2009, 149 p.

Ўлгер. Куурчаң ном [A book for reading in the Shor language]. G. V. Kostochakov (Comp.). Kemerovo, Kemerov. kn. izd., 1995, 174 p. (In Shor)

Информация об авторе

Ирина Витальевна Шенцова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shentsova, Doctor of Philology, Docent, Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 28.12.2023;

одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024

The article was submitted on 28.12.2023;

approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 18.01.2024